

Литературная Страница

Эвальд РИБ

Ирина КРУЧИНИНА

СОСНЫ

В горах...
При первой встрече
завидовал слегка,
что сосны вдруг на плечи
взяли облака.
Гляжу:
они уносят
куда-то вторых
заплаканных осенью
на жилистых руках.

РЕВАНШИСТАМ

...Ночь. Спит жена...
И дочка спит,
обнявшись крепко,
с куклой Людой,
а я
не сплю,
душа кричит,
кричит
неугомонно:
— Люди!

Тот немец жив!
Тот немец жив!
Как от суда ушел
преступник?
Но он из памяти живых
не вырвется.
Он — вечный узник.

Тот немец жив,
но он забыл
и свой позор,
и злодеянья.
Мне в детстве
скрипку он разбил
с каким-то
диким хохотаньем.

Войною
нацию мою
запачкал он
до отвращения.
Я думаю
в своем краю
о прошлом,
о его паденьи.

В нем
Гитлер
бесится сейчас,
готов
вернуть
деньки былые.
Как стыдно,
стыдно
мне за вас,
простому немцу
из России.

В Германии
Бетховен есть,
есть Маркс,
есть
новой жизни знамя.
По ним
равняться —
это честь,
по ним
равняются — делами.

Придет ли,
реваншисты,
час,
когда вы станете
другими?..

Молчите?..
Разум ваш погас...
Вы только числитесь
живыми...

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ

Мой край родной,
где лес одет неброско
и тополям бывает не до сна,
по вечерам красавицы-березки
мячом луны играют допоздна.

Мой край родной,
где в полушалках звездных
глядятся нвы в зеркало реки,
тропинкой горной вывес
уходят сосны,
и плещут в ветках солнца
родники.

Мой край родной,
где трубы, как зенитки,
спокойно в небо синее глядят,
на трудовом посту стоит
Магнитка,
как на посту своем стоит
солдат.

Рисунки П. ХНЫКИНА

ПЕРЕДО МНОЙ две фотогра-
фии. Им более шестидесяти
лет.

Сказывается время: снимки по-
жухли, обесцветились. В таком
виде их уже невозможно воспро-
извести на газетной полосе. А
жалко. Было бы интересно начать
этот рассказ, или, вернее, воспо-
минание именно с фотографий.
Остается на словах передать то,
что на них изображено.

На первый взгляд ничего осо-
бенного нет на снимках. Видишь
группу матросов царского флота.
Но это не простые матросы. Это
герои — команда канонерской
лодки «Корея». Матросы этого
судна вместе с командой крейсера
«Варяг» в бухте Чемульпо в ян-
варе 1904 года отважились всту-
пить в бой с целой японской эс-
кадрой. Впрочем, бой — не то
слово. Это было похоже на изби-
ение. Десятки японских кораблей
вели перекрестный огонь по двум
русским суднам.

Последствия этого побоища
оказались печальными. С больши-
ми потерями, разрушениями на
кораблях русские моряки отсту-
пили. Но в плен не сдались — по-
топили свои корабли. Победа до-
сталась японскому флоту недеше-
во. Пошел ко дну миноносец,
серьезно пострадали три крейсе-
ра...

Так начался разгром, снача-
ла в бухте Чемульпо, потом в
Порт-Артуре и под Цусимой сла-
бо подготовленных к войне с Япо-
нией царской армии и флота.

Но мужество русских матросов,
проявленное в русско-японской
войне, не забыто. Страницы исто-
рии берегут память об этом. Неда-
ром же песня «Варяг» стала на-
родной.

Федор Петрович Рыбинский...
Двадцать с лишним лет назад он
был жив и работал в котельно-ре-
монтном цехе металлургического
комбината.

На фотографиях, о которых го-
ворилось в начале статьи, обра-
щает на себя внимание красивый
черноусый моряк. Это и есть Ры-
бинский — в то время машинист
«Корейца». Он, по воспоминани-
ям людей, близко его знавших,
сам по себе личность незаурядная.
И потому считаю своим долгом
рассказать о нем все, что слышал.

Предоставляю возможность пер-
вым высказаться ветерану комби-
ната, сыну командира-большеви-
ка, погибшего в годы гражданской
войны, Спиридону Васильевичу
Неенно:

«Я приехал на Магнитку из
Керчи. С завода. В тот момент
строилась первая домная печь.
Строили домну малоизвестные ра-
бочие, знакомые больше с сель-
ским хозяйством. Нам поручили
обучить их без отрыва от работы
технической грамоте. Однажды,
после очередных четырехчасовых
занятий шел я в окружении уче-
ников к монтажной площадке и
вдруг за моей спиной раздался
громкий возглас:

— Ненно!
Оглядываюсь и вижу — рядом
с паровым краном стоит незнако-
мый человек и машет мне рукой.

— Я услышал, вас называли по
фамилии Ненно. Одного Ненно я
знал. Василия Кирилловича. Слу-
чаем, не ваш ли отец?

— Да, — отвечаю ему.

Он страшно обрадовался. Я, го-
ворит, с вашим батей в школе
машинистов учился, в Севасто-
поле. А потом в этом порту на од-
ном корабле служили. В один
день почти что записались в пар-
тию большевиков. Чуть было раз-
не «погорели»: едва успели спря-
тать «Искру» в фальшборте. А то
бы, как пить дать, не избежали
военного трибунала.

По словам Федора Петровича
Рыбинского, большевистский вест-
ник «Искра» приносил на ко-
рабль и тайно передавал им друг
легендарного лейтенанта Шмидта

бят, паровоз хорошо, но и лопа-
та нужна.

В тот день он сагитировал
хлопцев высаживать деревья в
парке. Видели, как здорово он
разросся! Есть там, должно быть,
и дерево, посаженное лично Ры-
бинским.

Рыбинский был человеком дела.
Избегал трескучих фраз, осуждал
болтунов-ораторов, которых, что
греха таить, водилось немало
тогда, да и сейчас они встречаю-
тся.

— Доказывай руками, а не язы-
ком, — наставлял он молодых
людей, — а то подчас так быва-
ет: на словах дела, а на поверку
делишки.

Я всегда с уважением, даже с
завистью поглядывал на крепкие,

В. ПЕТРЕНКО

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЯ ЧЕМУЛЬПО

— Панайоти. Существовала еще
одна улика, грозившая двум ма-
тросам-большевикам серьезным на-
казанием: они участвовали в вы-
пуске и распространении печатно-
го листка с изображением крас-
ной птицы. Это была газета «Се-
вастопольский баклан». Полиция
с ног сбилась, разыскивая авто-
ров расклеенной почти на каждой
тумбе большевистской флотской
газеты.

В рассказе о чемульпинском
сражении Рыбинский упомянул о
том, что в одном с ним экипаже
«Корейца» служил некий Коломе-
ец, который также приехал на
Магнитострой.

Очень сожалею, что не придал
этому факту большого значения и
не пытался разыскать Коломей-
ца. Судьба этого человека мне не-
известна. Что касается Рыбинско-
го, то эта встреча сделала нас
большими друзьями. Федор Пет-
рович стал для меня живой па-
мятью об отце и вообще харак-
тером был мне очень симпатичен.

Рыбинского очень ценили как
человека и знатока паровых ма-
шин. Помню, заглянул он как-то
в наш барак... А ребята поют:
«Наш паровоз, вперед лети — в
коммуне остановка».

Рыбинский дослушал до конца
песню, а потом и говорит: — Ре-

каменной твердости, ладони Фе-
дора Петровича. Уж они, эти ру-
ки, не знали выходных. Как ни
посмотришь, копаются Рыбинский
в машинном нутре. Что-то пере-
двигает, мастачит.

Как известно, машины иност-
ранных марок монтировали под
наблюдением представителей за-
рубежных фирм.

Прислали такого шеф-монтера и
на сборку крана типа «Деаг». У-
знав об этом, Рыбинский рассер-
дился: «Ну их к ляду, этих фор-
сунов». Попросил меня помочь
разобраться в чертежах. Я ему
быстро растолковал, объяснил от-
личие американской манеры чер-
чения от нашей. Он понял и тут
же попросил переводчика:

— Вы скажите моему спецу,
что мы без него обойдемся.

И доказал это. Заморские ма-
шины, смонтированные им и его
помощниками, работали как часы.
А когда доводилось выступать на
собраниях перед комсомольцами,
советовал:

— Ребята, учитесь, чтобы мы
не снимали шапки перед иност-
ранцами.

Так и вижу его перед собой,
Федора Петровича Рыбинского.
Сухошавый, с седеющими усами
ходит возле своих машин, посту-
кивая деревянной палочкой.

Придешь на работу пораньше, а

Рыбинский уже здесь, осматрива-
ет свои краны...»

Любопытные подробности о ге-
рое-моряке поведал Павел Фро-
лович Рыбинский — племянник
Федора Петровича.

«Родом мы из села Сергеевки
Оренбургской области. Федора
Петровича старухи в нашей де-
ревне величали не иначе, как ан-
тихристом. А за что? За насмеш-
ки над попом. Не любил он и
него брата. Как завидит, обяза-
тельно какую-нибудь штуку учу-
дит. После службы как-то батюш-
ка стал обходить прихожан. Дя-
дя возьми да брось в церковную
кружку одиннадцать копеек вме-
сто гривенника. Попу это не по-
равилось. Он посчитал это ко-
шунством.

— Ты, — говорит, — не милосты-
ню подаешь. Богохульник!

В девятнадцатом году распе-
деляли землю по десятине с чет-
вертью на едока. Крестьяне
с большим трудом ее обра-
батывали. Дядя предлагал од-
носельчанам спрятаться. В то вре-
мя это слово означало образовы-
вать коммуны. У одного сельчани-
на, допустим, была лошадь, у
другого плуг, у третьего борона.
Собрались все вместе — и рабо-
та закипела, легче стало. Поня-
ли — дело советовал им дядя.
Народ был недоверчивый в де-
ревнях. И то, что Федору Петро-
вичу удалось склонить их к со-
вестному труду — большое до-
стижение, я считаю.

Федора Петровича по-настоя-
щему уважали. Ни одно собра-
ние не открывалось без него.

В гражданскую войну на Ура-
ле Федор Петрович был зачислен
в дивизию Чапаева. Подробно-
стей его службы под началом Ча-
паева не знаю.

Я дяде многим обязан: для нас
с сестрой он стал вторым отцом.
Воспитал он еще трех сирот —
дочерей брата.

...Скупы сведения о Федоре Пет-
ровиче Рыбинском. В воспомина-
ниях о нем Спиридону Василье-
вичу Ненно и родственникам боль-
шие пробелы. Пока еще нельзя
считать достоверным упоми-
нание в рассказе Ненно о якобы
совместной работе Федора Петро-
вича с другом Шмидта Панайоти.
Действительно ли Панайоти
относился к друзьям Шмидта и
верно ли передана его фамилия —
все это нуждается в подтвержде-
нии. Возможно, удастся разыскать
другого члена экипажа канонер-
ской лодки — Коломейца или его
родственников. Не исключено, что
напарника Рыбинского зовут ка-
ким-нибудь иначе. Все может быть,
когда услышишь рассказ о людях
из вторых уст.

Каждая, даже самая малень-
кая подробность о герое Чемуль-
по Рыбинском поможет создать
яркую картину жизни и деятель-
ности одного из тех людей, кто
участвовал в подготовке Великой
Октябрьской революции, защищал
ее и строил социализм.

Очень хотелось бы надеяться,
что в сборе материалов о Фе-
доре Петровиче Рыбинском помогут
читатели.